

Окно в Европу: Источниковедческий этюд к «Медному Всаднику»

М. С. Неклюдова (Москва/Лос-Анджелес)
А. Л. Осповат (Москва/Лос-Анджелес)

Вторая строфа Вступления к поэме содержит хрестоматийные строки (15—16):

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно, —

которые отсылают к первому авторскому примечанию: «Альгаротти где-то сказал: *Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe* [Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу]»¹. Афористический потенциал сентенции Альгаротти и ее парафразы в «Медном Всаднике» обусловил возникновение одного из самых навязчивых вербальных клише (*окно в Европу*), применяемых при характеристике петровских реформ и «новой», вестернизирующейся России². Между тем собственный смысл высказывания Альгаротти, его локальный и широкий (биографический) контексты, особенности его пушкинской рецепции — все это никогда не подвергалось специальному обследованию, необходимость которого настоятельно диктуется интересами научного комментария к «Медному Всаднику».

1

Выходец из состоятельной семьи, Франческо Альгаротти родился в 1712 г. в Венеции³ (прозвище «падуанский лебедь», которое встречается в переписке современников, скорее всего фиксирует его привязанность к Падуе — гнезду этой купеческой фамилии). Окончив университет Болоньи (1733), он начал разъезжать по Италии, а затем (в 1734—1736 гг.) обосновался в Париже; здесь он свел знакомство с маркизой Эмилией дю Шатле, благодаря которой вошел в круг собеседников Вольтера. Альгаротти, который уже в эти годы отличался широкой эрудицией, немало, по-видимому, постарался, чтобы произвести выгодное впечатление: в комплиментарном отзыве Вольтера (письмо от 3 ноября 1735 г.) сквозит легкая ирония — «молодой человек, которому известны языки и обычаи всех стран, который пишет стихи, как Ариост, и досконально изучил Локка и Ньютона»⁴. Весной 1736 г. Альгаротти отправился в Лондон, где сразу же был избран членом Королевского научного общества, а также, используя рекомендательное

письмо Вольтера, завязал контакты с лордом Харви (John, Lord Hervey of Ickworth), одним из влиятельных придворных политиков, тесные отношения которого с королевской семьей (прежде всего с Каролиной, женой Георга II) высоко ценил премьер-министр Роберт Уолпол. Судя по всему, у молодого Альгаротти было незаурядное бисексуальное обаяние: роман с лордом Харви дополнялся параллельным — с леди Монтегю, близкой (и немолодой) приятельницей последнего; некогда Александр Поуп обращал к ней мадригалы, потом — сатиры.

В это время Альгаротти работал над популярным изложением первой фундаментальной оптической теории; заботы по изданию потребовали его возвращения в Италию. (4 сентября 1736 г. Харви писал Генри Фоксу о том, что крайне сожалеет по поводу отъезда Альгаротти, который его «отменно развлекает»¹.) Книга «Ньютонизм для дам», вышедшая в конце 1737 г. и уже летом следующего года появившаяся по-французски, принесла автору европейскую известность, но на родине повредила его репутации: она пополнила реестр сочинений, запрещенных Ватиканом, и попытка Альгаротти получить статус секретного дипломатического агента Венеции в Англии встретила резкий отказ. Весной 1738 г. Альгаротти сообщил своему брату Бономо о том, что видам его карьеры более всего соответствует Англия², где он снова появился в марте 1739 г. Однако обстоятельства ему не благоприятствовали. Лорд Харви утратил прежнюю пылкость, к тому же его положение после смерти Каролины (ноябрь 1737 г.) некоторое время оставалось неопределенным³, и, по-видимому, он не мог (или не рискнул) протезировать итальянскому сочинителю, искавшему места в британской дипломатической службе. Гораздо большую заинтересованность в судьбе своего возлюбленного выказала леди Монтегю, предложившая ему совместно обосноваться в Италии; однако, при таком варианте Альгаротти пришлось бы расстаться с карьерными и светскими амбициями, и он продолжал искать удачу на других путях.

Весной 1739 г. в Петербурге было объявлено о предстоящем бракосочетании Анны Леопольдовны, племянницы бездетной императрицы Анны Иоанновны, и Антона Ульриха, принца Брауншвейгского. На этой церемонии Англию должен был представлять Чарлз Калверт (1699—1751), пятый или шестой (генеалогические справочники здесь расходятся) лорд Балтимор, наследственный губернатор заокеанской колонии Мериленд⁴. Близкий приятель «принца Фреда» (наследника престола, прославившегося в основном своим распутством), лорд Балтимор заслужил отзывы, колеблющиеся в достаточно широком диапазоне. Впрочем, слух о том, что он не был силен в родном языке⁵, носит совершенно анекдотический характер, а суждение Георга II о неполной вменяемости лорда Балтимора⁶ вряд ли претендует на объективность ввиду резкой неприязни короля к принцу Уэльскому и его окружению. С другой стороны, Хорас Уолпол (сын премьер-министра и основатель жанра «готической повести») свидетельствовал: лорд Балтимор — «прекраснейший и честнейший человек на свете, с большим количеством

беспорядочных знаний, но не способный к тому, чтобы руководить политической партией»¹¹.

Мотивы, по которым Балтимор пригласил Альгаротти сопутствовать ему в поездке в Россию, до сих пор остаются непроясненными. Распространенная точка зрения, приписывающая последнему роль некоего интеллектуального советника¹², не может считаться убедительной: сугубо церемониальной обязанности, возлагаемые в данном случае на представителя британской короны, вряд ли требовали особых умственных усилий. Здесь предполагалось врожденное (или приобретенное длительным опытом) знание придворного и великосветского этикета, которым обладал сам Балтимор, но отнюдь не его итальянский спутник (не имевший даже дворянского достоинства). Другое дело — Альгаротти, которому это путешествие сулило очевидные выгоды. Во-первых, контакты с Балтимором могли бы приблизить его к принцу Уэльскому, а во-вторых, Петербург рассматривался им в качестве одного из плацдармов для устройства своей карьеры. Еще в первый приезд в Лондон Альгаротти познакомился с русским послом (в 1732—1738 гг.) Антиохом Кантемиром и расположил его к себе¹³; теперь же Кантемир (переведенный в Париж) отдельным письмом рекомендовал спутника лорда Балтимора графу А. И. Остерману, долголетнему куратору российской внешней политики¹⁴. Альгаротти повез в Петербург экземпляр «Ньютонизма для дам» для поднесения императрице, а также изготовленное по этому случаю стихотворное послание «Ее Величеству Анне Джиованновне, императрице всех Россий <sic>».

«Августа», собственная яхта лорда Балтимора, отошла от английских берегов 10/21 мая 1739 г.¹⁵ и ровно через месяц достигла Кронштадта¹⁶. Во время свадебных торжеств, состоявшихся 1—3 июля (по ст. стилю) 1739 г., Альгаротти находился вместе с членами дипломатического корпуса, кроме того, он был удостоен чести войти в число 48 танцоров на бале-маскараде. Однако надежды Альгаротти на то, что панегирик Анне Иоанновне откроет перспективы сотрудничества с императорским двором (возможно, он ждал заказа на книгу о России) не оправдались: стихи было милостиво приняты, но, как позднее сетовал их автор, «ни граф Остерман, ни кто-либо другой в Петербурге» в разговорах с ним не касались этой темы¹⁷. Впрочем, визит Альгаротти в Россию был весьма непродолжительным — уже 16/27 июля 1739 г. яхта лорда Балтимора отплыла из Кронштадта¹⁸ в Данциг. Оттуда начался вояж двух путешественников по Германии (имевший на этот раз частный характер), и именно он оказался поворотным событием в судьбе Альгаротти.

Побывав в Дрездене, Лейпциге и Потсдаме (где их радушно принял прусский король Фридрих-Вильгельм), Балтимор и Альгаротти прибыли в замок Рейнсберг — резиденцию прусского кронпринца, будущего Фридриха Великого. Рекомендация короля-отца пришла в Рейнсберг уже после их приезда, но вполне вероятно, что оба гостя были заочно аттестованы кронпринцу его доверенным лицом в Петербурге — У. фон Зумом. Специаль-

ный интерес прусского Фридриха к наперснику английского Фредерика мог, наверное, питаться и воспоминанием о несостоявшемся двойном породнении принцев¹⁹, и сходными обстоятельствами, в которых пребывали оба наследника престола, подвергавшиеся ostracismu со стороны августейших отцов. Имя же итальянского эрудита Фридрих к тому времени не только знал, но даже успел обыграть в стихотворном послании Вольтеру от 13 ноября 1736 г. («Корреджио, Тициан, Рубенс, Буонаротти / Нам известны также, как и Альгаротти»; далее следует шутливая апология его «искусства владения компасом и счетом», в чем он превзошел Архимеда, — *Voltaire-CW*. V. 88. P. 119).

26 сентября 1739 г. Фридрих сообщал фон Зуму: «У нас здесь побывали лорд Балтимор и молодой Альгаротти, которые своими знаниями не могут не вызывать уважение у всех тех, кто знаком с ними. Мы много говорили о вас, о философии, науках, искусстве, наконец, обо всем, что позволяет вкус образованных людей»²⁰. В письме Вольтеру (от 10 октября 1739 г.) Фридрих выразился почти теми же словами, но несколько подробнее: «Молодой Альгаротти, известный вам, понравился мне в высшей степени. Он обещал мне вернуться сюда, как только сможет. Мы много говорили о вас, о геометрии, о стихах, о пустяках, наконец, обо всем, что достойно разговора. В нем много живости, огня и мягкости, а это именно то, что меня устраивает. Он сочинил кантату, которая тут же была положена на музыку и которой все остались довольны» (*Voltaire-CW*. V. 91. P. 17).

В ответном письме (от 1 ноября) Вольтер витиевато, но более чем прозрачно намекнул на то, что от Фридриха зависит осчастливить своего нового знакомого: «И ты, молодой гражданин этого плоского мира, <...> прекрати, Альгаротти, свои наблюдения за человеческим родом, <...> более не утруждай себя поисками человека. Он найден» (*Voltaire-CW*. V. 91. P. 31). Альгаротти, сразу из Рейнсберга вернувшийся в Англию, как будто внял этому совету: ни о его новых поисках патрона, ни о продолжении контактов с лордом Балтимором (за спиной которого стоял принц Фред) нам ничего неизвестно. 28 декабря 1739 г. Вольтер сообщает Фридриху о том, что с большим запозданием получил письмо Альгаротти (от 1 октября из Лондона), полное восторгов по поводу пребывания в Рейнсберге: «Ах, какой принц! — говорит он, он никак не придет в себя от удивления. А я, монсеньор, а я, почему я не Альгаротти!» (*Voltaire-CW*. V. 91. P. 55). Кронпринц и Альгаротти вступают в переписку, между тем 20 мая 1740 г. умирает Фридрих-Вильгельм и его сын становится королем Пруссии под именем Фридриха II.

Уже 6 июня 1740, вызванный ласково-настойчивым письмом Фридриха²¹, Альгаротти покидает Англию, а через три недели его имя появляется в списке тех лиц, которые составляют «приобретение» нового прусского короля (*Voltaire-CW*. V. 91. P. 222). Постоянно находясь в обществе короля (в начале сентября 1740 г. в Клеве он присутствует при первой встрече Фридриха и Вольтера — см.: *Voltaire-CW*. V. 91. P. 296), Альгаротти скоро

начинает тяготиться статусом сутубо придворного лица и просит дипломатического назначения в Англию. Фридрих отказывает под тем предлогом, что человека, наделенного столь многосторонними талантами, ожидают особо ответственные поручения, впрочем, в утешение расстроенному Альгаротти (который лечился тогда от дурной болезни) награждает его графским титулом (20 декабря 1740 г.)²². Тем временем смерть Карла VI Габсбурга побуждает Фридриха II развязать «войну за австрийское наследство». В декабре Пруссия отторгла у Австрии Силезию, и вскоре король посылает Альгаротти в Турин с секретной миссией — соблазнить Пьемонт перспективой войны с Австрией (ради приобретения Миланской области), не связывая при этом Берлин никакими обещаниями.

Вступив наконец в сферу европейских политических интриг, Альгаротти растерялся. Любопытно, что свою пассивность и нерешительность он пытается оправдать (в письме Фридриху от 8 февраля 1741 г. из Турина), сетуя на то, что «политика этого <Сардинского> двора и состояние этой страны окутаны почти такой же тайной, как и в России»²³. Сравнение навеяно, конечно, недавними известиями о династических переменах в Петербурге, близко затронувшими лиц, которых Альгаротти должен был хорошо помнить: по смерти Анны Иоанновны (17 октября 1740 г.) новым российским императором был объявлен Иоанн VI Антонович (двухмесячный сын Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха) при регенте Э. И. Бироне, но уже 9 ноября указ грудного младенца-императора извещал об отрешении регента и назначении Анны Леопольдовны «правительницей» и Антона-Ульриха «соправителем». Отношение петербургских верхов к амбициям прусского короля было достаточно негативным (к тому же, по свидетельству фельдмаршала Б. Х. Миниха, в узкий кружок Анны Леопольдовны входили два «заключенных врага Пруссии» — послы Польши и Австрии²⁴), и не удивительно, что туринский вояж посланца Фридриха вызывает озабоченность у русских дипломатов. Меняется тональность упоминаний о старом знакомце в служебной переписке Кантемира, который с явным облегчением докладывал 13 апреля 1741 г. из Парижа: информатор из Турина хотя подтверждает слух, «будто он, Алгаротти, прислан с комиссиею от короля Прусского, но однако ж не приметил в нем никаких поступков, от чего можно заключить, что он упражняется в какой-либо негоциации»²⁵. Итоги этой миссии были подведены в письме Фридриха от 15 июня 1741 г.: «Мой дорогой Альгаротти, я ожидаю вас с нетерпением; мне приятней видеть в вас друга, чем получать ваши посольские отчеты»²⁶. Здесь нелишне отметить, что через год — вместе с Англией, Голландией и Саксонией — Пьемонт выступил на стороне Австрии.

Наш дальнейший обзор биографии Альгаротти будет по необходимости носить еще более беглый характер. В прусских владениях Альгаротти находился до 1742 г. Фридрих, закрепивший свои первые территориальные приобретения Бреславским миром с Австрией, уже не мог уделять много времени своим ученым, но непрактичным приятелям; последовала размолвка, и Альгаротти переехал в Дрезден к саксонскому курфюрсту Августу III. В

1744—1745 гг., пока он исполнял ряд поручений в Италии и готовил к изданию «Конгресс на Цитере» (эротическую поэму, в тематическом и стилевом планах напоминающую «Замок Гниды» Монтескье), — прусские войска оккупировали Саксонию. По Дрезденскому миру, заключенному в самом конце 1745 г., Саксония сохранила независимость: Фридриху приходилось считаться с позицией российской императрицы Елизаветы Петровны (завявшей престол 25 ноября 1741 г.), которая обещала поддержку Августу III.

Эти перипетии непосредственным образом коснулись Альгаротти. В 1746 г. он просит П.-Л. Мопертюи, одного из приближенных Фридриха, выхлопотать ему возвращение на службу прусского короля. «Его надо иметь, — писал Фридрих Мопертюи 24 мая 1746 г., — но он не принадлежит к числу тех, кого надо иметь за любую цену»⁷; так была сформулирована основа возобновившихся отношений. С 1747 г. Альгаротти обитает в королевском замке Сан-Суси (под Берлином), куда, потеряв мадам дю Шатле, в 1750 г. перебирается и Вольтер. В 1751 г. этот кружок распался, а в 1753 г. Альгаротти навсегда уезжает из Германии, оставаясь камергером прусского короля и не прерывая с ним эпистолярных сношений. С особенным вниманием он следил за ходом Семилетней войны (1756—1762), в которой Пруссии противостояла русско-австрийская коалиция и итог которой мог оказаться неутешительным для Фридриха II, если бы новый русский император Петр III (восшедший на престол в самом конце 1761 г.) не оказался восторженным поклонником прусского короля.

Последние десять лет Альгаротти провел в Италии, регулярно публикуя стихи, трактаты и эссе по вопросам эстетики. Перед смертью он приступил к изданию своего Собрания сочинений в восьми томах⁸. Умер Альгаротти 3 мая 1764 г. в Пизе, и на его могиле выбита сочиненная им эпитафия в горацианском духе: «Nec jacet Algarottus, sed non omnis» [Здесь лежит Альгаротти, но умер он не весь].

Не столь звучный вариант эпитафии, предложенный Фридрихом: «Здесь лежит подражатель Овидия, ученик Невтона», вызвал реплику Вольтера: «Не вижу ничего общего между беднягой Альгаротти и Овидием кроме большого носа» (*Voltaire-CW. V. 112. P. 99*). Этот иронический тон окрашивает всю посмертную репутацию итальянского литератора. Для ближайших поколений его имя прежде всего ассоциируется с типом ученого (или поэта)-приживальщика при королевском дворе⁹. Для историков эстетики рубежа XVIII—XIX вв. Альгаротти — один из многих поверхностных авторов того времени, когда «строгость схоластики изгнана была французским легкомыслием, но не заменена философической степенностью»¹⁰. Общий же взгляд на Альгаротти из следующего века лучше всего репрезентирует характеристика, данная Томасом Карлейлем в биографии Фридриха II. Здесь Альгаротти представлен как заметная фигура эпохи Просвещения, его достоинства на виду — классическая образованность, вкус, ясный стиль; но при этом у него отсутствуют человеческий стержень и целенаправленная творческая сила: «Увы, наш „падуанский лебедь“ <...> плыл,

величаво перебирая лапками, в никуда <...> Тяжко читать его книги! <...> Его литературная дорога пролегает совсем вблизи от теплых и плодородных областей, но так и не заводит туда. Серьезный, страстный дилетантизм — да, это казалось прекрасным молодому Фридриху и всему миру в то время, но не нам!»¹

Собственно говоря, в европейской культурной памяти сохранилась лишь одна фраза Альгаротти — та самая, которая процитирована в поэме Пушкина. Но зато она является настолько общеизвестной, что и в старой, и в современной литературе вполне допустимо ее вольное цитирование, на основе которого, в свою очередь, строится новая игра слов: «If Petersburg was Russia's „window on the west“, Voltaire was just as surely Europe's „window on the east“»². Здесь, как и во многих других случаях, формула утрачивает авторство и всякую связь с той книгой путевых писем Альгаротти, которая станет теперь предметом нашего внимания.

2

Эта книга впервые увидела свет — под заглавием «Saggio de lettere sopra la Russia» — в 1760 г. в Париже³. (Можно даже предположить, что это произошло во второй половине года: Вольтер, работавший тогда над «Историей Петра Великого», 15 августа 1760 г. сообщал Альгаротти, что еще не получил книгу, которую намеревался использовать во втором томе своего труда, а 28 ноября благодарил за доставленный экземпляр — *Voltaire-CW*. V. 106. P. 54, 334.)⁴ Корпус первого издания составили восемь писем, адресованных лорду Харви и обнимающих период с 10 июня по 30 августа 1739 г.: согласно авторским пометам, письма I и II отправлены соответственно из Гельсингфорса и Ревеля, письмо III — из Кронштадта (от 21 июня), письма IV, V, VI — из Петербурга (от 30 июня, 6 и 13 июля), письма VII и VIII — соответственно из Данцига и Гамбурга. Второе, «пересмотренное и дополненное», издание (Париж, 1763) включало еще четыре письма (IX—XII по общей нумерации), адресованные маркизу Сципионе Маффеи (Scipione Maffei) из Германии в период с 27 августа 1750 г. (Берлин) по 24 апреля 1751 г. (Потсдам). Следующее переиздание этой книги Альгаротти запланировал в рамках своего Собрания сочинений (*Opere Varie del conte Algarotti* <...>. Livourne, 1764. T. 5), но поскольку именно в это время он скончался, остается неясным, отражало ли авторскую волю появившееся здесь новое заглавие — «Viaggi di Russia», которое в дальнейшем и утвердилось в эдиционной практике.

Невозможно, впрочем, дать точный ответ и на целый ряд коренных вопросов, возникающих в связи с изданием этой книги. Как соотносится текст, опубликованный в 1760 г., с путевыми письмами Альгаротти 1739 г.? Существовали ли в реальности эти письма? Наконец, почему автор решил напечатать книгу спустя целых два десятилетия после своего визита в Россию?

Известно, что во второй половине 1730-х гг. между Альгаротти и лордом Харви велась переписка, однако до сих пор выявлены только письма последнего, причем одиннадцать относятся к 1736—1738 гг. и только два — к 1739 г. (от 8 марта и 29 сентября)⁵⁶. На этом фоне частотность посланий Альгаротти, включенных в его книгу, вызывает удивление: получается, что с 10 июня по 13 июля 1739 г. он корреспондировал лорду Харви чаще, чем раз в неделю (см. выше). Следует заметить также, что Альгаротти издал свою книгу на итальянском языке, хотя на самом деле его эпистолярное общение со своим лондонским корреспондентом происходило по-французски и по-английски. Из писем Харви от 20 сентября и 30 октября 1736 г. (первое — на французском, второе — на английском) мы знаем, что выбор языка эпистолярной был предметом специальных дебатов, и в итоге Харви окончательно перешел на английский, настаив при этом, чтобы Альгаротти, в свою очередь, пользовался исключительно французским⁵⁷. Таким образом, даже если допустить существование реальных путевых писем Альгаротти из России, приходится констатировать, что в процессе подготовки к печати (через семнадцать лет после смерти адресата) они были переведены с французского на итальянский язык и тем самым не могли не подвергнуться авторской редакции. Но учитывая то обстоятельство, что в материалах Альгаротти, относящихся к 1740—1750 гг., не сохранилось никаких следов подобной работы (или хотя бы рефлексии над ней)⁵⁸, весьма правдоподобной выглядит версия о позднейшем происхождении всей книги, т. е. о фиктивном характере его путевых писем о России.

В любом случае авторская стратегия не очень понятна. Именно в тот момент, когда Берлин был временно оккупирован войсками русско-австрийской коалиции, камергер Фридриха II издает книгу своих путевых писем о России — безусловно сочувственный, хотя и сугубо деловой обзор различных отраслей государственной жизни (экономический потенциал, торговля, войско и т. д.). Общая тенденция «Писем о России» ни у кого не могла вызывать сомнений. «Множество предметов представлялось любопытству его в России, — писал М. Н. Муравьев в прочувственной заметке об Альгаротти. — Он удивлялся духу Петра Великого, которого воспоминание было тогда еще толь свежо. Он измерял в воображении силы Государства, которое вместе касается Швеции и Китая, и отдавал справедливость способностям Российского народа»⁵⁹.

Решение всего круга затронутых выше вопросов усложняется наличием важного документального источника: в Британском музее хранится подлинный дневник Альгаротти, описывающий его путешествие в Россию (*Giornale del Viaggio da Londra a Petersbourg nel Vascello The Augusta di Mylord Baltimore nel mese di Maggio U.S. L'Anno MDCCXXXIX*). Этот текст, до сих пор остающийся неопубликованным, уже привлекал к себе внимание исследователей, которые прежде всего отмечают его разительное отличие — как в идейном, так и в стилистическом планах — от книги «русских» писем Альгаротти. Если последняя практически лишена непосредственных зарисо-

вок с природы, то дневник Альгаротти, насколько можно судить по доступным для нас выдержкам, представляет собой целую россыпь конкретных и весьма ядовитых наблюдений по поводу нравов двора Анны Иоанновны, российских обычаев и всего социального порядка³⁰.

Эпиграфом к этому дневнику могла бы стать, пожалуй, острота, произнесенная спутником Альгаротти во время их пребывания в Рейнсберге — сразу после визита в Россию. В уже цитированном письме Вольтеру от 10 октября 1739 г. кронпринц Фридрих, высказав свои впечатления от лорда Балтимора («Я восхищался гением этого англичанина, как восхищаются прекрасным лицом, закрытым вуалью. Он очень плохо говорит по-французски, но несмотря на это всем нравится его слушать; что же касается английского, то на нем он говорит слишком быстро — так, что нет возможности за ним уследить»), следующим образом передает его слова: «Il appelle un russion un animal mécanique; il dit que Pétersbourg est l'oeil de la Russie, avec lequel elle regarde les pays policés; que si on lui éborgnait cet oeil, elle ne manquerait pas de retomber dans la barbarie dont elle n'est guère sortie [Он говорит, что русский — это механическое животное. Он утверждает, что Петербург — это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны; и что, если ее ослепить на этот глаз, она немедленно впадет в варварское состояние из которого едва вышла]» (*Voltaire-CW*. V. 91. P. 17).

Э. Кросс³¹ первым обратил внимание на то, что приведенная острота (обыгрывающая аналогию между путешественником, только что вернувшимся из России, и Одиссеем, вырвавшимся из пещеры одноглазого киклопа Полифема) несомненно корреспондирует с самой знаменитой фразой из книги Альгаротти 1760 г. (письмо IV; от 30 июня 1739 г.): «Ma qual cosa le dirò prima, qual poi di questa città; di questo gran finestrone, dirò così, novellamente aperto nel norte, per cui la Russia guarda in Europa? [Но что сказать Вам сначала, а что потом об этом городе, этом огромном окне, назову его так, открывшемся недавно на севере, через которое Россия смотрит в Европу?]»³². Развивая это наблюдение, мы склонны полагать, что *bon mot*, сообщенное в письме Фридриха от 10 октября 1739 г., родилось в ходе постоянных бесед Балтимора и Альгаротти, которые велись по-французски (и/или по-английски; см. попутное замечание Фридриха), и именно его языковое оформление имплицировало возможность последующей трансформации, основанной на семантической связи между лексемами *глаз* и *окно* (ср. французскую идиому *oeil de boeuf* и ее английскую кальку *bull's eye* [слуховое окно])³³.

Иными словами, само сравнение Петербурга с окном, через которое Россия смотрит в Европу, имеет, по всей вероятности, французское происхождение (напомним, что подлинные письма Альгаротти из России могли существовать только на этом языке), хотя циркулировало сначала в итальянском переводе, а затем и в обратном переводе с итальянского.

В наших же целях существенно подчеркнуть, что приватная острота лорда Балтимора (и Альгаротти) также могла быть известной читающей публике.

Письмо Фридриха Вольтеру от 10 октября 1739 г. вошло в корпус первых посмертных изданий как адресата (т. н. Кельское издание), так и адресанта⁴³, а затем регулярно перепечатывалось в их позднейших собраниях⁴⁴.

3

Образ Петербурга как *прорубленного окна* в Европу складывается, по видимому, на рубеже 1820–1830-х гг. в кругу литераторов «Московского вестника», которому тогда был близок Пушкин. К 1829 г. относится лапидарная запись в дневнике М. П. Погодина, резюмировавшая некий спор, произошедший в доме С. Т. Аксакова: «Петр прорубил окошко, а Аксаков его заколотит»⁴⁵. Мы не располагаем сейчас данными для реконструкции точного смысла этой записи, и остается лишь предположить, что автора дневника вывела из себя одна из тех анти-петербургских lamentаций (и в защиту русской старины), на которые никогда не скупился отец первых славянофилов. Что же касается самого оборота «прорубить окно», использованного в погодинской парафразе Альгаротти, то оно к тому времени являлось уже вполне стандартным (и как таковое попало в Академический словарь)⁴⁶.

Ближайшую параллель к этой записи находим в дневнике С. П. Шевырева, друга и единомышленника Погодина и такого же (в те годы) безусловного адепта Петра I. 13 июля 1830 г., находясь в Риме, он записал: «Теперь в России к Западу сто врат настезь растворено — и просвещение Европейское разных столетий, разных племен так и хлещет в нем морем Атлантическим. <...> Петр Первый прорубил первые врата, широкие, огромные; Екатерина Вторая прорубила вторые, но в несчастливое время, когда волны просвещения Европейского полны были кровью революции и гнойным отходом застоявшегося человечества, в то время, когда бы надо было запереть их»⁴⁷.

Последний фрагмент дает пример ассоциации по смежности: *окно* → *ворота* (см. у Белинского в 1842 г.: Петр Великий, по выражению Альгаротти, создал Петербург, который является окном в Европу, «а следовательно, первый сделал и ворота...»⁴⁸; ср. в уже цитировавшейся его статье 1841 г.: «Он <Петербург> окно и дверь в Европу»⁴⁹). Одним из следующих звеньев в этой цепочке является *занавес* (дверь/врата и занавес — компоненты «царских врат», главного входа в алтарь), и можно допустить, что при переносе сентенции Альгаротти в русскую языковую среду она реминисцировала с тем вербально-изобразительным образом, который встречается и в переписке Петра I с Алексеем Петровичем, и на ротном знамени Преображенского полка (1700 г.), где дано аллегорическое изображение прошлых и будущих морских триумфов России: «Марс и Нептун раскрывают занавес, за которым видны море с лодкой, крепость на берегу, <...> меч, выходящий из облаков»⁵⁰. Этот образ активно использовал Карамзин, причем не только в «Письмах русского путешественника» (Петр «должен был только разорвать завесу, которая скрывала от нас успехи разума человеческого», — ч. III, письмо <103>), но также в шестом томе «Истории», посвященном

обзору царствования великого князя Иоанна III Васильевича. В апологии Иоанна, заостренной выигрышным сравнением с Петром I («... новейшие <историки> замечают в нем разительное сходство с Петром Первым: оба без сомнения велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы <...>, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных...»), Карамзин неоднократно подчеркивал его успехи во внешней политике и в одном случае выразился так: Иоанн III, «раздрав завесу между Европою и нами <...>, принимал союзы» и т. д.³¹

Обращает на себя внимание и стихотворная вариация Шевырева на эту же тему — «Петроград» (Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 1. С. 3—6), входящий в круг непосредственных источников «Медного Всадника»³². Третья его строфа, которой открывается речь Петра I, содержит следующее пророчество: «Станет град же, наречён /По строителе высоким: /Для моей России он /Просвещенья будет оком».

Этот пример языковой ассоциации (окно → око; праслав. *оькно — из око) как бы возвращает фразу Альгаротти к ее источнику — высказыванию: «Petersbourg est l'oeil...», одновременно переводя его в другой оценочный регистр. С другой стороны, весь контекст петербургской темы (город, построенный на болоте) в особенности мобилизует тот определенный круг значений, в котором могут выступать око, окно и окнище (буквальный перевод итал. *gran finestrone*) — 'источник', 'чистое, незаросшее место на озере/болоте', 'родник', а также 'прорубь', 'трясина' и т. д.³³

4

Принято мнение, что Пушкин вряд ли заглядывал в книгу Альгаротти. По традиции, идущей от Н. О. Лернера³⁴, вероятным источником первого примечания к «Медному Всаднику» считается сохранившаяся в библиотеке Пушкина (и полностью разрезанная) книга «Tableau Général de la Russie Moderne...» [Общая панорама современной России...], написанная Виктором де Комерасом и вышедшая — под инициалами V. C*** — в Париже в 1802 г. Оба тома этой книги снабжены тождественным эпиграфом: «St. Petersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde continuellement l'Europe. Algarotti. *Lettres sur la Russie*»³⁵.

Здесь надо еще раз напомнить текст пушкинского примечания: «Альгаротти где-то сказал: Petersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe». И сразу бросаются в глаза две детали. Во-первых, у Пушкина неточно приведена французская цитата (опущено слово «continuellement» [«постоянно»]) и, во-вторых, название книги Альгаротти (тоже французское) не только снято, но и скрыто расплывчатой — если даже не намеренно глухой — ссылкой. Для объяснения этих различий обычно привлекается пушкинская запись все той же фразы Альгаротти (без указания на автора и источник), обнаруженная на одном из листов рабочей тетради, которая в 1826—1827 гг. заполнялась перебеленным текстом четвертой и пятой глав «Евгения Онегина». Поскольку данная запись: «P<éters>b<our>

est la fenêtre par où la Russie regarde en Europe»⁵⁶ почти идентична цитате из первого примечания к «Медному Всаднику» (если не считать незначительного расхождения в грамматической форме), то делается вывод о том, что знакомство Пушкина с книгой «Tableau Général de la Russie Moderne...» произошло задолго до работы над «Медным Всадником» и, таким образом, уже ко второй половине 1820-х гг. сентенция Альгаротти закрепляется в его памяти в измененной редакции и не реминисцирует с каким-то определенным сочинением итальянского путешественника⁵⁷.

Лишь однажды, сколько нам известно, высказывалась иная точка зрения. В 1972 г., переиздавая свою работу «Пушкин и Шекспир» (1965), М. П. Алексеев пополнил ряд возможных источников «Графа Нулина» именно «Письмами о России», во французском издании которых (1769) в качестве приложения был помещен «Опыт о продолжительности правления семи римских царей». Не касаясь сейчас обнаруженной автором очень любопытной параллели к пушкинской поэме 1825 г., отметим его попутное суждение, относящееся к «Медному Всаднику»: «Хотя принято считать, что Пушкин взял цитату об „окне в Европу“ не непосредственно из „Писем о России“, а из эпитафии другой книги <...>, было бы трудно отрицать возможность знакомства Пушкина с книгой Альгаротти в целом»⁵⁸.

Это предположение легко поддается проверке.

Письмо IV «Писем о России», помеченное «Петербург, 30 июня 1739», открывается пассажем, которое в оригинале выглядит следующим образом: «Dal norte io vengo a lei, Mylord, le più spesse volte ch'io posso: nè lascerò andar certamente questo corriere senza darle novella di me, aspettando pure di riaverne quanto prima di lei. Ma qual cosa le dirò prima, qual poi di questa città; di questo gran finestrone, dirò così, novellamente aperto nel norte, per cui la Russia guarda in Europa?» [С севера я обращаюсь к Вам, милорд, так часто, как только могу. И этого курьера я, конечно, не отпущу без того, чтобы сообщить Вам новости о себе, и надеюсь как можно скорее узнать их и от Вас. Но что сказать Вам сначала, а что потом об этом городе, этом огромном окне. назову его так, открывшемся недавно на севере. через которое Россия смотрит в Европу?]⁵⁹

В том случае, если Пушкин читал книгу Альгаротти, более чем вероятно, что он пользовался одним из двух французских переводов. Первый, появившийся в Лондоне в 1769 г. (и через год переизданный в Невшателе), представляет интересующий нас фрагмент в таком виде: «Je n'ai pas de plus grand plaisir, Mylord, que de vous écrire; et je le fais le plus souvent qu'il me possible. Je vais enfin vous parler de cette nouvelle ville, de cette grande fenêtre, ouverte récemment dans le Nord, par où la Russie regarde en Europe» [У меня нет большего удовольствия, милорд, чем писать Вам, и я это делаю настолько часто, насколько возможно. Сейчас я наконец расскажу вам об этом новом городе, об этом огромном окне, открытом недавно на севере, через которое Россия смотрит в Европу]⁶⁰.

В другом переводе, помещенном в собрании сочинений Альгаротти, вышедшем в Берлине в 1772 г., этот фрагмент выглядит иначе: «Du fond du Septentrion je viens à vous, Mylord, le plus souvent qu'il m'est possible; et je ne laisserai certainement pas partir ce courier sans vous donner de mes nouvelles: je me flatte que j'aurai bientôt le plaisir de recevoir des vôtres. Mais que vous dirai-je de cette ville, de cette grande fenêtre, qu'on vient d'ouvrir dans le Nord, permettez moi cette expression, et par où la Russie découvre l'Europe?» [Из глубин севера я обращаюсь к Вам, милорд, как можно чаще, и я не дам уехать этому курьеру без того, чтобы сообщить Вам мои новости, и я льщу себя надеждой, что вскоре я буду иметь удовольствие узнать о Ваших. Но что же мне сказать Вам об этом городе, об этом огромном окне, только что открывшемся на севере, простите мне подобное выражение, через которое Россия открывает Европу]⁶¹.

Из этого сопоставления с очевидностью следуют два вывода. Во-первых, сентенция Альгаротти была извлечена Пушкиным именно из текста «Писем о России»: наречие («continuellement» [«постоянно»]), которое находим в цитате, взятой в эпиграф к книге Комераса, и которое способно изменить смысл всей фразы, отсутствует и в итальянском оригинале, и в обоих французских переводах. Во-вторых же, Пушкин опирался на текст лондонского издания 1769 г.: ключевой глагол («guarda» [«смотрит»]) сохранен только в тексте этого перевода («regarde»), который и дает редакцию, наиболее приближающуюся к пушкинской записи 1826—1827 гг. — вплоть до буквального тождества концовок («...par où la Russie regarde en Europe»). Косвенным свидетельством в пользу перевода 1769 г. (уже привлекавшего к себе внимание М. П. Алексеева) служат данные книговедческих исследований, согласно которым как раз это лондонское издание было наиболее широко представлено в русских частных собраниях XVIII—XIX вв.⁶²

Поскольку среди имен известных нам владельцев этого издания фигурируют М. С. Воронцов и И. И. Дмитриев⁶³, допустимо предположение, что Пушкин читал или проглядывал книгу Альгаротти дважды — не только в начале 1820-х гг. (в Одессе), но и в начале 1830-х гг. (в Москве). В таком случае запись в рабочей тетради 1826—1827 гг. была действительно сделана по памяти — но с опорой на первоисточник. Что же касается вторичного обращения к «Письмам о России», оно могло стимулироваться интересом Пушкина как в целом к «истории Петра Великого и его наследников до государя Петра III» (из письма Бенкендорфу около 21 июля 1831 г.⁶⁴), так и к частному сюжету, связанному с судьбой Иоанна Антоновича (см. хотя бы запись в «Table-talk» о гороскопе, заказанном в связи с его рождением⁶⁵), на свадьбе родителей которого присутствовал Альгаротти.

В поле зрения Пушкина скорее всего попала и острота лорда Балтимора. Одно из изданий Вольтера, в котором была опубликована его переписка с Фридрихом II (Париж, 1818—1820), находилось в библиотеке Пушкина, и том, включающий письмо от 10 октября 1739 г. был целиком разрезан⁶⁶. Контекст письма, в котором упоминался и Альгаротти, без труда позволял

установить преемственную связь между метафорами *Pétersbourg est l'oeil* и *Pétersbourg est la fenêtre*, и возможно, что намеком на это обстоятельство является глухая ссылка в первом примечании к «Медному Всаднику»: «Альгаротти где-то сказал...»⁶⁷

Примечания

- ¹ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 тт. Л., 1948. Т. V. С. 135, 150. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: **Пушкин**, с указанием тома и страницы.
- ² Белинский, который, приведя цитату из Альгаротти по тексту «Медного Всадника», назвал ее «счастливым выражением, в немногих словах удачно схватившим великую мысль» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VIII. С. 395; далее ссылки на это издание даются сокращенно: **Белинский**, с указанием тома и страницы), первым редуцировал ее до краткой метафоры (см. в его статье 1841 г. <«Россия до Петра Великого»>: «Он <Петербург> окно и дверь в Европу» (Белинский. Т. VI. С. 146).
- ³ Наиболее полным жизнеописанием Альгаротти до сих пор является диссертация И. Ф. Тритт, базирующаяся на широком круге архивных материалов: I. F. Treat. Un cosmopolite Italien du XVIII-e siècle. Francesco Algarotti. Trevoix, 1913. Далее в ссылках сокращенно: **Treat**.
- ⁴ The Complete Works of Voltaire. Toronto, 1969. V. 87. P. 241. Письма Вольтера и к Вольтеру цитируются по этому изданию (т. 85—135), ссылки на которое далее даются в тексте сокращенно: **Voltaire-CW**, с указанием тома и страницы.
- ⁵ Lord Hervey and His Friends. 1726—38 / Ed. by Earl of Ilchester. London, 1950. P. 249.
- ⁶ См.: **Treat**. P. 66.
- ⁷ См.: **R. Halsband**. Lord Hervey: Eighteenth-Century Courtier. London, 1973. P. 227—255.
- ⁸ Этот семейный титул увековечен в названии самого крупного города современного американского штата Мериленд.
- ⁹ См.: **J. G. Morris**. The Lords Baltimore. Baltimore, 1874. P. 50.
- ¹⁰ См.: Lord Hervey's Memoirs / Ed. by R. Sedgwick. London, 1952. P. 304.
- ¹¹ Letters of Horace Walpole, Earl of Orford, to Sir Horace Mann. London, 1843. V. II. P. 178.
- ¹² См.: **Treat**. P. 79; **R. Halsband**. Op. cit. P. 248.
- ¹³ См. в письме Кантемира маркизе Монконсей (Monconseil) от 10 июля 1738 г. (из Лондона в Париж): «Кстати о книгах: появилась новая книга венецианского дворянина (sic!) Альгаротти, посвященная системе Ньютона и, в особенности, его оптике; она написана по сходному плану и почти тем же стилем, что и „О множественности миров“ <трактат Фонтенеля>. Я прочел ее за несколько дней с большим удовольствием. Она написана с толком, столь же понятна, как и шутлива, так что, если вы хотите без особого труда стать ньютоновской, то достигните этого после второго чтения этой книги <...>. Мне сообщили, что автор сейчас в Париже. Он мне хорошо известен: его разговор весел без аффектации, он умен и многое знает, так что заслуживает вашей дружбы» (H. Grasshoff. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa: Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966. S. 121). Кантемир даже перевел «Ньютонизм для дам» на русский язык, но издание не состоялось из-за вмешательства Святейшего Синода (подробнее см.: V. Boss. Newton and Russia: the Early Influence, 1698—1796. Cambridge (Mass.), 1972. P. 116—127). Существует гипотеза (не имеющая, впрочем, документальной опоры) о том, что еще в бытность свою в Лондоне Кантемир подал и лорду Балтимору, и Альгаротти идею путешествия в Россию, которая смогла реализоваться только летом 1739 г. (см.: A. Cross. The Lords Baltimore in Russia // Journal of European Studies. 1988. V. XVIII. P. 79—80).

- ¹⁴ См. письмо Альгаротти Кантемиру от 29 октября 1739 г. (Н. Grasshof. Op. cit. S. 122).
- ¹⁵ См.: R. Halsband. Op. cit. P. 248. 12/23 июня 1739 г. «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 47 С. 372) поместили информацию «из Лондона от 19 мая», в которой извещалось о предстоящем визите в Россию лорда Балтимора в сопровождении ряда «ученых персон», из которых был поименован только «славный математик Кинг».
- ¹⁶ См.: Treat. P. 82.
- ¹⁷ Из письма Кантемиру от 29 октября 1739 г. (Н. Grasshoff. Op. cit. S. 123).
- ¹⁸ Об этом «Санкт-Петербургские ведомости» извещали 17/28 июля 1739 г. (№ 57. С. 455). Здесь приводился более широкий состав свиты лорда Балтимора («господин Граф Алькаротти <sic!>», математики Кинг и Дезагольер), а также упоминалось об осмотре английскими гостями Академической Библиотеки и Кунсткамеры. — Тем же числом датирует отплытие «Августы» И. Ф. Трит (см.: Treat. P. 91; со ссылкой на другой официальный источник). Не умеем объяснить тот факт, что С. Я. Сомова, которая просматривала комплект «Санкт-Петербургских ведомостей» за данный период, «беспспорной датировкой» русского путешествия Альгаротти считает май-август 1739 г. (см.: С. Я. Сомова. Франческо Альгаротти и его сочинения в русских книжных собраниях XVIII в. // Русские библиотеки и их читатель: Из истории русской культуры эпохи феодализма. Л., 1983. С. 192).
- ¹⁹ В 1730 г. английское правительство выступило с инициативой матримониальной комбинации, заключавшейся в том, что Фредерик женится на принцессе Вильгельмине (дочери Фридриха-Вильгельма и сестре Фридриха), а Фридрих женится на принцессе Анне (дочери Георга II и сестре Фредерика). Прусский король соглашался, однако, только на замужество дочери.
- ²⁰ Treat. P. 100.
- ²¹ См.: Opere del conti Algarotti. Edizione novissima. Venezia, 1794. T. 15. P. 25. Далее ссылки на это издание (Venezia, 1792—1794. T. 1—16) даются сокращенно: Opere, с указанием тома и страницы.
- ²² См.: Treat. P. 108—109.
- ²³ Treat. P. 117.
- ²⁴ Рус. старина. 1874. Т. IX. С. 94.
- ²⁵ Н. Grasshoff. Op. cit. S. 126.
- ²⁶ Treat. P. 121.
- ²⁷ Treat. P. 151.
- ²⁸ Библиографию сочинений Альгаротти (а также литературы о нем, вышедшей до 1912 г.) см.: Treat. P. 253—256.
- ²⁹ См. письмо принца де Линя, «самого светского человека Европы», польскому королю Станиславу-Августу, описывающее его свидание с австрийским императором Иосифом II в 1785 г. (Prince de Ligne. Lettres et pensées <...>, suivi de fragments de l'Histoire de ma vie. Paris, 1989. P. 79).
- ³⁰ Это суждение из «Истории поэзии и элоквенции» Ф. Бутервека (1802) приводим по статье Н. И. Надеждина «Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана» (1832), в которой «почти дословно» (как обнаружил Ю. В. Мани) заимствован соответствующий фрагмент из указанного немецкого компендиума (Н. И. Надеждин. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 299; см. комментарий на с. 517).
- ³¹ T. Carlyle. History of Friedrich II. of Prussia, called Frederick the Great. London, 1858. V. II. P. 664.
- ³² С. Н. Wilberger. Voltaire's Russia: Window on the East. Oxford, 1976. P. 16 (=Studies on Voltaire and the Eighteenth century. Vol. 164). Показательно и то, что авторы, впервые обращающиеся к русской теме, с восхищением открывают для себя сентенцию Альгаротти в ее каноническом варианте (см.: M. Curtiss. A Forgotten Empress: Anna Ivanovna and Her Era. 1730—1740. New York, 1974. P. 121).

- ³³ См.: **A. Franceschetti**. *L'Algarotti in Russia: dal «Giornale» ai «Viaggi» // Lettere Italiane*. 1983. № 3. P. 313—314. Как сообщает автор, все поиски того издания (*Viaggi di Russia*. Venezia, 1760), которое в диссертации И. Ф. Трит фигурирует в качестве *editio princeps* (см.: *Treat*. P. 258), оказались безрезультатными.
- ³⁴ Этот экземпляр, как и целый ряд прижизненных изданий Альгаротти, сохранился в библиотеке Вольтера, купленной Екатериной II (см.: Библиотека Вольтера: Каталог книг / Под ред. М. П. Алексеева и Т. Н. Копреевой. М.; Л., 1961. С. 115).
- ³⁵ Этот подсчет сделан по материалам издания: *Lord Hervey and His Friends* (см. примеч. 5), где некоторые письма опубликованы — но преимущественно в сокращенном виде.
- ³⁶ См.: *Lord Hervey and His Friends*. P. 249, 255.
- ³⁷ См.: **A. Franceschetti**. *Op. cit.* P. 324.
- ³⁸ **М. Н. Муравьев**. Полн. собр. соч. СПб., 1820. Ч. 3. С. 228—229.
- ³⁹ Подбор цитат из этого дневника см. в работах: *Treat*. P. 94—95; **A. Franceschetti**. *Op. cit.* P. 330.
- ⁴⁰ См.: **A. Cross**. *Op. cit.* P. 83.
- ⁴¹ *Opera*. Т. VI. P. 70; см. также в современном издании: **F. Algarotti**. *Viaggi di Russia / A cura di E. Bonora*. Torino, 1979. P. 29.
- ⁴² Стоит также отметить, что в европейской архитектурной традиции, столь хорошо известной Альгаротти, было принято уподобление человеческого лица — фасаду здания и, соответственно, глаза — окну (см., напр.: **N. Molok**. «*L'architecture parlante*», ou *Ledoux vu par les romantiques // Romantisme*. 1996. V. 92. P. 50).
- ⁴³ См.: *Oeuvres complètes de Voltaire*. [Kehl,] 1785. Vol. 64. P. 449—450; *Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse*. [Berlin,] 1789. Т. IV. P. 445—446. (Здесь и в следующем примечании в ссылках на источники указаны только те страницы, где находится интересующая нас цитата.) По тексту, вошедшему в издание Фридриха II, Карлейль перевел письмо на английский язык («*Petersburg is the eye of Russia, with which it keeps civilised countries in sight; if you took this eye from it, Russia would fall again into barbarism, out of which it is just struggling*» — **T. Carlyle**. *Op. cit.* V. II. P. 666). — Попутно отметим, что оба издания этой переписки на русском языке включают письмо от 10 октября 1739 г.: в переводе сохранена похвала в адрес Альгаротти и купированы слова лорда Балтимора о русских и Петербурге (см.: Переписка Фридриха Великого, короля Прусского, с господином Вольтером, с 1736 по 1778 год. М., 1807. Т. 1. С. 237—240; То же. М., 1816. Ч. 1. С. 188—190).
- ⁴⁴ См., напр.: *Oeuvres de Voltaire*. Paris, 1831. V. 53. P. 672.
- ⁴⁵ **Н. Барсуков**. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 315. Вместе с этой фразой Погодина В. В. Виноградов фиксирует также пассаж из «Старой записной книжки» Вяземского: комментируя предполагаемую эвакуацию памятника Петру I в 1812 г., автор заметил: «И подлинно, слишком было бы грустно старику видеть, как через прорубленное им окно влезли в дом его недобрые люди» (**П. А. Вяземский**. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. VIII. С. 120; ср.: **В. В. Виноградов**. *Стиль Пушкина*. М., 1941. С. 389). Цитируемое место, однако, Вяземский ввел только при первой публикации отрывков из своей восьмой записной книжки (см.: Рус. архив. 1873. Кн. I. Стб. 1026—1027), в подлинном тексте соответствующей дневниковой записи (от 23 июня 1830 г.) оно отсутствует (см.: **П. А. Вяземский**. *Записные книжки*. (1813—1848) / Изд. подготовила В. С. Нечаева. М., 1963. С. 175—176).
- ⁴⁶ См.: *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*. СПб., 1822. Ч. IV. О-Л. Стб. 268. В этой связи не представляются убедительными ни замечание В. В. Виноградова о том, что пушкинская строка отмечена «ярким народным и профессионально-конкретным словесным обличем» (**В. В. Виноградов**. *Указ. соч.*

- С. 389), ни дальнейшее развитие этой тенденции в современной работе (см.: **Д. Н. Медриш.** «О чем же думал он...»: Фольклорное слово в «Медном Всаднике» // Рус. речь. 1992. № 1. С. 100—101).
- ⁴⁷ Цит. по: **И. М. Тойбин.** Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830-х годов. Воронеж, 1980. С. 78. Историческая рефлексия Шевырева этого периода наиболее подробно освещена в кн.: **L. Udolph.** Stepan Petrovič Ševyrev. 1820—1836: Ein Beitrag zur Entstehung der Romantik in Rußland. Köln; Wien, 1986. S. 167—177; 200—210.
- ⁴⁸ **Белинский.** Т. VI. С. 25.
- ⁴⁹ **Белинский.** Т. V. С. 146.
- ⁵⁰ **В. Ю. Матвеев.** Аллегорический образ Нептуна в искусстве петровского времени // Грeraldика: Материалы и исследования. Л., 1983. С. 56—57.
- ⁵¹ **Н. М. Карамзин.** История Государства Российского. М., 1989. Кн. II. Т. VI. Стб. 216, 213 Характеристика Иоанна III, данная Карамзиным, привлекала особое внимание и при первом чтении, и при последующих. Спустя много лет тот же Погодин назвал ее непревзойденным образцом русского языка и стиля своей эпохи (см.: **М. П. Погодин.** Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. М., 1866. Ч. II. С. 189—190).
- ⁵² См.: **М. Аронсон.** К истории «Медного Всадника» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Т.] 1. С. 221—226; **А. Л. Осповат.** К литературным отношениям Пушкина и С. П. Шевырева // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 57—61.
- ⁵³ См.: **Н. И. Толстой.** Славянская географическая терминология: Семаснологические этюды. М., 1969. С. 207—209; Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 23. *Одале — Осеть.* С. 129—131.
- ⁵⁴ См.: **Н. О. Лернер.** Примечания // Пушкин. / Под ред С. А. Венгерова. СПб., 1915. Т. VI. С. 451.
- ⁵⁵ См.: [V. de Comeiras.] Tableau Général de la Russie Moderne, et Situation Politique de cet Empire au commencement du XIX-e siècle. Par V. C***. Paris, 1802. Т. 1—2; титульный лист обоих томов. Ср.: **Б. Л. Модзалевский.** Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание.) СПб., 1910. С. 183 (№ 698).
- ⁵⁶ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 505.
- ⁵⁷ См.: **А. С. Пушкин.** Медный Всадник. / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л., 1978. С. 266.
- ⁵⁸ **М. П. Алексеев.** Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 259; примеч. 52. (То же: Л.; 1984. С. 271).
- ⁵⁹ **Opera.** Т. VI. P. 70; см. также в современном издании: **F. Algarotti.** Viaggi di Russia. / A cura di E. Вонога. Torino, 1979. P. 29. (Здесь и далее курсив в цитатах везде наш. — М. Н., А. О.).
- ⁶⁰ *Lettres du comte Algarotti sur la Russie, contenant l'état du Commerce, de la Marine, des revenus, et des forces de cet Empire <...> Traduites de l'Italien.* Londres, 1769. P. 64. Ср. английский перевод, изданный в Лондоне одновременно с французским: «I am at length going to give you some account of this new city, of the great window lately opened in the north thro' which Russia looks into Europe» (Letters from Count Algarotti to Lord Harvey and the Marquis Scipio Maffei <...> London, 1769. V. 1. P. 46).
- ⁶¹ *Oeuvres du Comte Algarotti.* Traduit de l'Italien. Berlin, 1772. V. 5. P. 77.
- ⁶² См. **В. Я. Сомов.** Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 228. (Ср.: **С. Я. Сомова.** Указ. соч. С. 191.) См. также: Дореволюционные издания по истории

СССР в иностранном фонде ГПБ. Систематический указатель / Составители А. Л. Гольдберг, И. Г. Яковлева. Л., 1986. Вып. III. С. 43.

- ⁶³ См.: **В. Я. Сомов**. Указ. соч. С. 228. Есть основания полагать, что эта книга Альгаротти находилась в библиотеке еще одного пушкинского знакомого — графа М. Ю. Вильгорского: о собранной им «Россике» с восторженной завистью писал М. А. Корф в бытность свою директором Императорской публичной библиотеки (см.: **О. Д. Голубева**. М. А. Корф. СПб., 1995. С. 45–46).
- ⁶⁴ **Пушкин**. Т. XIV. С. 256.
- ⁶⁵ **Пушкин**. Т. XII. С. 169, 404 (черновик). О теме Брауншвейгского семейства у Пушкина см.: **В. В. Ремарчук**. Заметка Пушкина о Железной маске // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X. С. 315–318; **Н. Я. Эйдельман**. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 156–180.
- ⁶⁶ См.: *Oeuvres complètes de Voltaire*. Nouvelle édition. Paris, 1818. V. XXXIX. P. 366. Ср.: **Б. А. Модзалевский**. Указ. соч. С. 361, 363 (№ 1491).
- ⁶⁷ За помощь в написании этой работы благодарим С. У. Гардзонно, Б. А. Каца, Г. А. Левинтона, Н. Н. Мазур, В. А. Мильчину, К. Ю. Рогова и Б. А. Успенского.

Коррекционное примечание. Настоящая работа была уже сверстана, когда авторы ознакомились с публикацией: **Франческо Альгаротти**. Русские путешествия / Перевод с итальянского, предисловие и примечания М. Г. Талалая // Невский альманах: Историко-краеведческий сборник. СПб., 1997. [Т.] III. С. 235–264. (Во избежание возможных недоразумений следует оговорить, что заголовок первого перевода фрагментов книги «Viaggi di Russia» на русский язык ориентирован на итальянскую эдичионную практику, а не на отечественную традицию). Заинтересованный читатель найдет здесь новую информацию по истории издания этой книги; попутно же заметим, что автор предисловия вторит некоторым общим представлениям (например, об опосредованном знакомстве Пушкина с текстом Альгаротти), пересмотр которых предложен в публикуемой выше статье.

Тартуский университет
Кафедра русской литературы
Кафедра семиотики
Российский государственный гуманитарный университет
Институт высших гуманитарных исследований

ЛОТМАНОВСКИЙ СБОРНИК

2

«О. Г. И.»
Издательство РГГУ
Москва 1997